

УДК 111.1+13

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ВИРТУАЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ МИФОЛОГИЧЕСКИХ СТРУКТУР

Щукин Денис Андреевич

Санкт-Петербургский государственный университет

В статье рассматривается формирование базовых предпосылок к построению социальной онтологии виртуальности с использованием результатов структуралистского анализа мифологических структур сознания. Последовательное рассмотрение характера пространственной идентификации виртуального субъекта, логики взаимоотношения с Другим и механизмов взаимодействия с виртуальной средой позволяет интерпретировать эти аспекты существования виртуального субъекта в логике конкретных мифомагических практик. Показано, что функционирование виртуальный субъект может рассматриваться в трех аспектах: пространственной идентификации, интересубъектных отношений и взаимодействия с реальностью, которые могут быть соотнесены с понятиями мимикрии, комплекса шаманства и магических законов.

Ключевые слова: виртуальное пространство; виртуальный субъект; структурализм; социальная семиотика; теория магии; мифологическое мышление.

INTERPRETATION OF VIRTUALITY IN THE CONTEXT OF MYTHOLOGICAL STRUCTURES

Denis A. Shchukin

Saint-Petersburg State University

The aim of the article is to form the basic prerequisites for the ontology of virtuality using the results of structuralist analysis focused on the mythical structures of consciousness. Consistent consideration of the spatial identification of the virtual subject, the logic of intersubjective relations, and the mechanisms of interaction with the virtual environment allows to interpret these three aspects of the virtual existence through the specific logic of the mytho-magical practices. The article draws that the functioning of a virtual subject can be considered in three aspects: as spatial identification, as interpersonal relations and interaction with reality, which can be related with the concepts of mimicry, as the complex of shamanism and magical laws.

Key words: virtual space; virtual subject; structuralism; social semiotics; theory of magic; mythical thinking.

Несмотря на стремительное развитие технологий, инертность дискурсивных структур приводит к тому, что рассуждения о виртуальном пространстве в минимальной степени учитывают его принципиальную инаковость и несоответствие тем коммуникативным процессам, которые являются конституирующей частью его структуры. Новые формы общения, трансформация ценностей, перемены в ключевых характеристиках культурной среды происходят с такой интенсивностью, что зачастую в рамках глобальных цивилизационных процессов теоретики расценивают виртуализацию как деградацию традиционных культурных форм. Возможность обсчёта огромных массивов данных при помощи инструментов

виртуальной работы не только ускоряет процессы анализа и принятия решения во всех сферах существования человека, начиная с научно-исследовательского сектора и высокотехнологичного производства, заканчивая экономической подсистемой и социально-коммуникационной сферой, но и позволяют передавать полученные данные для последующей их «интерпретации» с использованием пользовательского интерфейса. Если ранее механизмы культурной адаптации и инновационного развития были во многом растянуты вдоль временной оси, в связи с чем вероятность трансляции, усвоения и передачи данных была технологически невозможна, в настоящий момент темпы и способности освоения информа-

ции значительно увеличились, что ставит принципиальные вопросы о границах субъекта.

Виртуальное пространство представляет собой не только мир без Другого, так как оставляет субъекта наедине с обезличенным текстом, раскрывающимся при помощи технических инструментов, но и мир, в которой количество Других геометрически возрастает с каждым действием пользователя. Подобное раздвоение приводит к трансформации точки сборки субъекта, которая ранее находилась в аудиальном или визуальном поле взаимодействия с Другим. Несмотря на качественные отличия виртуальности, классические методологические принципы могут успешно применяться и для анализа этого нового типа субъективности. В частности, речь идёт о возможности эксплуатации структуралистского и семиотического инструментария, сфокусированного на поиске закономерностей, соразмерностей и границ взаимодействия различных типов социальных практик. Во-первых, классический структурализм и социальная семиотика предоставляют аналитические инструменты, позволяющие обнаружить узлы сцепки природного, реального и виртуального. Во-вторых, проработка отдельных понятий, используемых авторами, принадлежащими к структуралистской или герменевтической традиции, даёт возможность интерпретировать виртуальность в качестве итога реверсивного возврата к мифологическому сознанию с точки зрения логики принятия решений и социальной онтологии виртуального субъекта.

Формальной точкой входа в анализ может стать понятие потенциального или «виртуального» инстинкта, концептуализированное Анри Бергсоном, которое, несмотря на различие контекста использования, на морфологическом уровне отсылает к виртуальности в современном её понимании [1, с. 27]. С точки зрения реинтерпретации этого понятия Роже Кайуа, виртуальный инстинкт представляет собой особую функцию структуры субъекта, являющуюся заместителем реального инстинкта и обеспечивающую утраченное фантазматическое означающее интенции [2, с. 74]. Единство природы всех живых существ приводит к тому, что даже в случае образования разрыва между предзаданным мотивом действия, понимаемым в широком смысле, и самим действием возникает возведённая дискурсом/языком преграда, объединяющая в себе логику бессознательного и свойства рационального, нивелированный животный автоматизм неизменно остав-

ляет на своём месте символический «протез». Галлюцинаторный характер виртуального инстинкта определяет трансформация непосредственного действия в фантазию о действии, что во многом напоминает психоаналитический механизм формирования психологической патологии, основанной на вытеснении влечения и насильственной замене означающих. Виртуальный инстинкт в виртуальном пространстве также работает в логике символической замены, когда на место физического действия приходит аналог. На место звучащего слова приходит текстовое сообщение, на место физического выражения негодования — акт удаления из «друзей» или внедрение в текст стилизованного графического изображения, отражающего определённую эмоцию человеческого лица.

Феномен «языка смайлов» или иных виртуальных иероглифов в свою очередь отсылает к концепции объективной идеограммы, разрабатываемой Роже Кайуа. Объективная идеограмма демонстрирует очевидный дуализм, являясь перекрёстком, на котором сталкиваются природные и культурные образования, формируя символическую систему двойной кодировки. Их взаимодействие позволяет объективной идеограмме существовать в сверхдетерминированном виде в качестве мифологической структуры, репрезентированной атомизированным объектом. Идеограмма наделена конкретным значением, но отличается универсальным характером как условный знак символического «алфавита». К примеру, описываемое Кайуа насекомое богомол, столь многим напоминающее человеческое существо, становится объектом проекции, репрезентируя собственным образом нереализуемые возможности обречённой оставаться лишь в потенции аффективной природы [там же, с. 82]. Как за идеографическим восприятием богомола стоит определённый набор мифопоэтических трактовок этого образа, во многом универсальный для различных культур, так и механика визуального считывания «языка смайлов» предполагает развёртывание определённых сценариев интерпретации в рамках универсального языкового контекста.

По мнению Кайуа, объективная идеограмма актуализирует виртуальный инстинкт и предстаёт перед субъектом в качестве мифа. Мифологическое мышление как специфическая система восприятия и организации символических практик субъекта обладает уникальным набором характеристик, прежде всего, определяющих его отноше-

ние к языку и темпоральной плоскости. Мифологическое мышление оперирует дерационализированными со-отношениями коллективных представлений, таким образом в логике работы бессознательного игнорируя факты прямого противоречия и взаимного несоответствия любых нарративных структур. Миф имеет цель воздействия и выраженный эффект, является развитой семиотической системой. Простой дискурсивный знак оказывается лишь истоком мифа. Ситуация интерпретации, способность синтезировать смыслы в рамках мифологического мышления может заставить любое слово быть элементом метаязыка. Интенсивность мифа передаётся интерпретативным практикам, являющимся заложниками мифологической традиции, но в то же время обновляющим её. Структура дискурса, проявляясь в мифологических конструктах, в свою очередь обращающимся к архетипическим основаниям, довлеет над интерпретацией, но проявляется в ней. Миф сочетает в себе свойства языка и речи, т.е. выпадает из временного континуума и одновременно укоренён в нём, соотнесён с субъектом, но включает в себя опыт социальных практик [6, с. 70]. Подобный множественный дуализм мифологического мышления предполагает спиралевидную логику функционирования, когда каждый отдельный сюжет мифа вновь и вновь воспроизводится, при этом учитывая контекстуальные изменения.

Миф не определён в пространстве и времени и базируется на основании бесконечного повторения. Уникальный опыт шаманских откровений, проживаемых в логике мифопоэтических структур, предполагает покидание физической оболочки с целью освоения иной дискурсивной системы, проживаемой как галлюцинация. Шаман совершает своё путешествие, оставаясь неподвижным, будучи неограниченным законами физики или логики. Определённым типам шаманских путешествий свойственен отказ от телесности и нивелирование индивидуальной идентичности, выражающийся в форме мимикрии, нирванического растворения собственного «я». Часть подобных характеристик присущи и виртуальной реальности, трансформирующей субъективность и механику пространственной идентификации.

Сам процесс входа в виртуальное пространство имеет много общего с миметической реакцией. В поисках подтверждений своей концепции Роже Кайуа обращается к феномену легендарной психастении как разрыву между субъективным восприятием и пространственной идентификации

ей, являющимся следствием символической мимикрии [3, с. 96–97]. Легендарная психастения воспроизводит миметическую реакцию организма, ориентированную на регресс, в стремлении вернуться к неорганическому состоянию, с которым диссонирует логика существования живой материи. Психастеник так же, как и мимикрирующее насекомое, стремящееся достичь не сходства, но абсолютного тождества с окружающей средой, распространяет свойства пространственного контекста на собственную телесность. Сопровождающая психастению склонность к катаlepsии отсылает к фрейдистскому принципу угасания и гомеостатической тенденции к устранению возбуждений. Господство легендарной психастении базируется на реализации стремления к познанию, факте аналитического устранения космоса как универсальной иерархии, открытия множественности систем координат, деконструкции социокультурного порядка, когда субъект теряет непосредственную привязку к определённой локации символического поля, оставаясь наедине с дереализующей силой пространства. Речь идёт о тотальном отказе от пространственных координат, недостижимом в других психических состояниях. Многие характеристики этого состояния напоминают состояние виртуального субъекта, выведенного за пределы координатной системы. С точки зрения физического присутствия реальное местоположение физического тела субъекта теряет какую-либо значимость, будучи заменено галлюцинаторной логикой перцепции. Перемещения в виртуальном пространстве напоминают галлюцинации, а сам акт перехода в виртуальность при помощи технического медиатора — колдовской обряд, осуществляемый с использованием ритуальных инструментов.

Переход к интерпретации колдовских техник в данной статье сопряжён с анализом методов и инструментов взаимодействия субъекта с виртуальной реальностью. Как и в случае с колдовским обрядом, виртуальные активности формируются действиями субъекта, его взаимодействием с интерфейсом и установленным конвенционально при помощи программного кода эффектом. Между действиями виртуального субъекта и их результатом лежит символическая пропасть, а минимальные манипуляции с интерфейсом могут вызывать глобальные изменения в виртуальном пространстве, знание о которых базируется на легитимационном опыте и ретроактивно. Взаимодействие с одним и тем же элементом интерфейса

способно приводить к различным эффектам в зависимости от конвенциональных изменений его программной функции. Так и эффективность колдовского обряда определяется не причинно-следственной логикой магического воздействия, а логикой легитимизации практики.

Магическая эффективность представляет свойство интенсифицированного автоматизма воздействия магической практики и базируется на создающей силе магической активности, а не просто установлении ряда конвенций, характерных для религиозных обрядов [5, с. 207–208]. Магия лишена разрывов между интенцией субъекта и непосредственным эффектом. Отличие механической эффективности, господствующей в технике или ремесле, от магической заключается в том, что в рамках последней эффект не равен затраченным на осуществление желания усилиям, так как магическая практика не подпадает под юрисдикцию закона сохранения энергии и не включена в сферу действия причинно-следственных связей. Результат магической акции не тождественен приведенному к нему механическому жесту. Границы эффективности расширяются благодаря её социальной обусловленности, так как магическая эффективность в конечном счёте есть не столько мера реальных изменений в вещи, сколько мера веры в эти изменения. Не менее важен тот факт, что магический эффект раздваивается в своём результате — опыт мага зачастую не имеет ничего общего с опытом претерпевающего магическое воздействие, а следовательно, даже убеждённость мага в том, что его жест не приведёт к внешнему результату, не может отменить эффективность этого жеста в том, что касается субъективных переживаний мага.

Комплекс шаманства представляет собой символическую структуру колдовского действия, образованную набором психосоматических техник, зафиксированных в трёхстороннем опыте субъекта, объекта и группового контекста [4, с. 158]. Магическое лечение оказывается успешным, так как шаман, несмотря на рациональную убеждённость в изначальной ложности реализуемой им череды колдовских актов, испытывает уверенность в их действенности, проистекающую из перенесённого им изменения собственного психосоматического состояния, открывающего определённую трансцендентальную перспективу, а также дискурсивного давления группы, проявляемого в формате коллективного одобрения. Подобная взаимосвязь индивидуального и группового представления/аффекта отсылает к сцепке между кол-

лективным мифом и его индивидуальной интерпретацией, поддерживающих символическую власть друг друга в логике сообщающихся сосудов.

Очевидным образом колдовской опыт сочетает в себе как пространственную мимирию, так и автономию субъекта действия, который и берёт на себя ответственность за все происходящие изменения. Взаимодействующий с интерфейсом пользователь оказывается одновременно и на позиции абсолютной изолированности в связи с субъективно воспринимаемой уникальностью опыта в рамках представленной ему дискурсивной системы и максимально публичен и зависим от конвенциональных принципов, которые ограничивают его демиургическую власть конкретными программными и техническими решениями.

Колдун обретает колдовскую силу в связи с тем, что является ключевым актором дискурсивной системы, сконструированной в момент встречи позитивного коллективного ожидания и позитивного субъективного опыта, а основным ресурсом власти шамана становится социальное соучастие. Зависимость функционала социальных сетей от количества подписчиков успешно демонстрирует корреляцию численности симпатизантов и потенциала виртуального субъекта. Значимость того или иного виртуального акта субъекта социальных сетей во многом определяется выраженным в количественных показателях одобрением. В этой связи представляется возможным говорить о своеобразном магическом капитале виртуального субъекта.

Магический потенциал представляет собой идею силы, пронизывающей все структурные компоненты магической акции, включая самого мага, обряд и даймона как помощника или свойство вещи, и обеспечивающей единство поля магической интеракции вне зависимости от характера конституирования этой силы — социальной конвенции или универсального закона магии [5, с. 192–193]. Функция магического потенциала во многом соответствует энергетической функции индивидуального бессознательного, являясь ресурсом для реализации всех видов энергетических трансформаций, подобных сдвигам или сгущениям. Магический потенциал, проявляя себя в различных дискурсивных сообществах в форме маны, оренды, фюзиса etc, обладает двойственным значением. Он осуществляет репрезентацию существа действия как интенции и служит топик-

ческой конструкцией, пространством энергетического взаимодействия.

В частности, симпатические формулы базируются на сходстве или различии магических потенциалов, столкновение или кооперация которых, тем не менее, происходит в гомогенной магической среде. Двойственность проявляется и в том, что, несмотря на сверхъестественный характер проявления магической силы, она естественным образом образует пусть и не доступный в универсальном плане, однако самодостаточный регистр реальности, растворяющий в себе опыт субъекта.

Симпатические законы магии, равно как и религии, являются аналогами механических законов природы, функционирующими в соответствии с логикой интерпретативного сознания и реализуемых в форме символических действий. Симпатические законы, интерпретируемые в логике виртуальной коммуникации, являются законами организации интерфейса. Элементы интерфейса базируются на конвенциональном основании косвенного эффекта, напоминают ритуальные действия, которые делают возможными направленные изменения в среде. Ещё большего сходства с колдовскими актами позволяют достичь новые формы интеракции с гаджетом, такие как управление жестами. Точная механика движений пальцев, выстроенных в определённом порядке, позволяют осуществить магическим/виртуальным практикам переход на новый уровень, на котором дополнительный инвентарь в виде устройств ввода перестаёт быть необходимым.

Так же, как физические законы находятся в центре аналитической фокусировки науки, симпатические законы являются фокусом общей философии «юзабилити» виртуального интерфейса или же общей философии магии, неразработанной и дискретной в связи с множественностью локальных систем и приматом традиций, однако дающей возможности представить совокупность актов в качестве взаимосвязанного и единого целого. Понимаемые в широком смысле симпатические законы включают в себя закон контакта, закон сходства и закон противоположности. Характерная для законов симпатии работа субъекта с рядами ассоциаций, хотя и является их базовым элементом, нуждается в ряде ограничений для обеспечения результирующей эффективности. Механизмы абстрагирования и интерпретации позволяют выделить только тот фрагмент ассоциативной цепи, который актуален в настоящий момент, и остановить процесс бесконечной мульти-

пликации символов. Изменение ареала действия законов передачи свойств, их кооперации или борьбы находится в ведении виртуального субъекта, подчинено его желанию, социальной конвенции или традиции.

Право доступа к интерфейсу не может не требовать в качестве ключевого условия ряд ограничений, виртуальных табу, которые в условиях мифомагической реальности носят характер негативного обряда. Негативным является обряд, носящий традиционный и формальный характер и предписывающий избегать специализированного набора символических жестов для обеспечения изолированности магического регистра от сферы повседневного существования субъекта. Равно как социальные табу предшествуют формированию позитивной системы морали, негативные обряды, отличающиеся большим многообразием и простотой, очерчивают границы магического и, будучи непосредственным образом связаны с природой социального и являясь объектом коллективного представления, определяют место магических практик в жизни группового и индивидуального субъекта. Негативные обряды, сопровождающие позитивные обряды, образуют своеобразную символическую преграду, преодоление которой позволяет создать двойника субъекта, тождественного ему, но наделённого магической силой, при этом оберегая самого субъекта от непосредственного столкновения с природой магического. Более того, если позитивная магия индивидуальна и предполагает известную дистанцию между магом и социальным окружением, то негативные обряды, коллективная природа которых преобладает над индивидуальной, оказываются доступны широкому кругу индивидов, словно обеспечивая им минимальную способность для реализации сопротивления окружающим магическим силам.

В различных локациях сферы виртуального действуют различные кодифицированные или некодифицированные нормативные установки рестриктивного характера. Некоторые из них определяются логикой сетевого поведения и очерчивают тот круг тем, который должен табуироваться в рамках виртуальной коммуникации. Как правило, табуированными оказываются темы и интеракции, связанные с несетевыми процессами и отсылающими прямо или косвенно — при эксплуатации спайки телесности и власти — к социальным и политическим процессам. Эти табу позволяют поддерживать спасительное удвоение, гарантирующее различие точек сборки виртуально-

го и реального субъектов, являющееся принципиальным для поддержания всей совокупности субъективных идентификаций.

Таким образом, социально-философский аспект виртуальности, в настоящий момент разработанный лишь в минимальной степени, может быть частично интерпретирован при помощи результатов анализа мифомагических практик. Существует аналитически оправданная возможность определения трёх регистров функционирования виртуального субъекта — пространственной идентификации, интерсубъектных отношений и взаимодействия с реальностью — через понятия мимикрии, комплекса шаманства и магических законов. Очевидно, что прямая синонимизация различных типов экзистенциальных систем невозможна, однако наличие узлов пересечения опыта виртуального и мифологического субъектов отсылает к сходству точек их сборки и открывает значительные эвристические перспективы для формирования социальной онтологии виртуальности.

Список литературы

1. Бергсон А. Два источника морали и религии. М.: Канон, 1994, 384 с.
2. Кайуа Р. Богомол // Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М.: ОГИ, 2003. С. 52–82.
3. Кайуа Р. Мимикрия и легендарная психастения // Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М.: ОГИ, 2003. С. 83–104.
4. Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1983. 536 с.

Об авторе

Шукин Денис Андреевич

кандидат философских наук, ассистент кафедры этики

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5;
e-mail: denishchukin@gmail.com

5. Мосс М. Социальные функции священного. СПб.: Евразия, 2000. 448 с.
6. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академ. проект, 2008. 697 с.

Получено 01.10.2015

References

1. Bergson H. *Dva istochnika morali i religii* [The two sources of morality and religion]. Moscow, Kanon Publ., 1994, 384 p. (In Russian).
2. Caillois R. [The praying mantis] *Mif i chelovek. Chelovek i sakralnoe* [The Myth and the Man. Man and the Sacred]. Moscow, OGI Publ., 2003, pp. 52–82. (In Russian).
3. Caillois R. [Mimicry and legendary psychasthenia] *Mif i chelovek. Chelovek i sakralnoe* [Man and the Sacred]. Moscow, OGI Publ., 2003, pp. 83–104. (In Russian).
4. Lévi-Strauss C. *Strukturnaya antropologiya* [Structural anthropology]. Moscow, Nauka Publ., 1983, 536 p. (In Russian).
5. Mauss M. *Sotsialnye funktsii svyashennogo* [Social functions of the sacred]. Saint-Petersburg, Evraziya Publ., 2000, 448 p. (In Russian).
6. Ricœur P. *Konflikt interpretatsiy. Ocherki o germenevtike* [The conflict of interpretations: essays in hermeneutics]. Moscow, Akadem. Proekt Publ., 2008, 697 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 01.10.2015

About the author

Shchukin Denis Andreevich

PhD in Philosophy, Assistant Lecturer of Department of Ethics

Saint-Petersburg State University,
5, Mendeleev line, Saint-Petersburg,
199034, Russia;
e-mail: denishchukin@gmail.com

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Шукин Д.А. Интерпретация виртуальности в контексте мифологических структур // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 4(24). С. 16–21.

Please cite this article in English as:

Shchukin D.A. Interpretation of virtuality in the context of mythological structures // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 4(24). P. 16–21.